

УДК 821.161.1: 1(470)

doi 10.17072/2073-6681-2020-1-103-111

«РОЗАНОВСКИЙ СЛОЙ» В ТВОРЧЕСТВЕ АННЫ АХМАТОВОЙ

Александр Александрович Медведев**к. филол. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы****Тюменский государственный университет**

625003, Россия, г. Тюмень, ул. Республики, 9. amedv1@yandex.ru

SPIN-код: 9765-6451

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7450-5373>

ResearcherID: AAF-8347-2019

*Статья поступила в редакцию 06.12.2019***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Медведев А. А. «Розановский слой» в творчестве Анны Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 103–111. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-103-111***Please cite this article in English as:***Medvedev A. A. «Rozanovskiy sloy» v tvorchestve Anny Akhmatovoy [‘Rozanov’s Layer’ in Anna Akhmatova’s Oeuvre]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 103–111. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-103-111 (In Russ.)*

На обширном материале корпуса текстов А. А. Ахматовой (поэзия, проза, записные книжки), а также воспоминаний о ней Л. Чуковской устанавливается, что Ахматова хорошо знала тексты В. В. Розанова («Уединенное», 1912; «Опавшие листья», 1913–1915; литературно-критические эссе) и обстоятельства его биографии, была знакома с дочерью философа, Т. В. Розановой.

В текстах Ахматовой выявляется «розановский слой» (подтексты), который отражает ее прямой и скрытый диалог со знаковой фигурой русского модернизма – как религиозно-философского («новое религиозное сознание»), так и литературного (жанр «опавших листьев»). В художественном плане для Ахматовой, как и для О. Мандельштама, значимо открытое Розановым «нелитературное», «догутенберговское» отношение к слову (интонация и интертекстуальность).

Розановский дискурс («Среди художников», 1909) диалогически преломляется в ахматовской «Венеции» (1912). Розановое восприятие библейской поэтики отражается в библейском цикле Ахматовой («Рахиль», 1921; «Лотова жена», 1924; «Мелхола», 1959–1961). Подробно анализируется ахматовский образ Розанова как участника «маскарада» эпохи начала XX в. в записи к «Поэме без Героя» (1962), в которой Ахматова мифологизирует Розанова как философа пола в демоническом контексте Григория Распутина. Раскрывается многослойная аллюзия в «Поэме без Героя» (1940–1965), в которой в блоковском контексте проступает диалог Ахматовой с Розановым на тему духа и плоти.

Выявляется близость Розанова и Ахматовой в демоническом и мортальном восприятии Блока и в модернистском восприятии Лермонтова как «родоначальника» русской литературы (а также в интонационном восприятии его поэзии). Открытая Розановым модернистская форма «потока сознания» («опавшие листья») прямо и опосредованно (через Мандельштама и Пастернака) имела важное значение для мемуарной прозы Ахматовой.

Ключевые слова: интертекстуальность; подтекст; русский модернизм; Анна Ахматова; Василий Розанов; диалог.

В «Записках» Л. Чуковская воспроизводит разговоры с Ахматовой о В. Розанове в 1939–1940 гг.: «– А Розанов? – спросила я. – Я так его люблю, кроме... – Кроме антисемитизма и половой проблемы, – закончила Анна Андреевна. <...> Я спросила, знала ли она Розанова. – Нет, к со-

жалению, нет. Это был человек гениальный. Мне недавно Надя, дочь его, говорила, что они все любили мои стихи и спрашивали у отца, знал ли он меня. Он не знал меня и, кажется, стихов моих не любил, зато очень любил Мариэтту Шагинян: “Девы нет меня благоуханней”. А я у него

все люблю, кроме антисемитизма и половой теории» (цит. по: [Чуковская 1997: 29, 69–70]). Вероятно, Ахматова имеет в виду здесь не Н. В. Розанову (Верецагину), а другую дочь Розанова — Т. В. Розанову (1895–1975)¹. Розанов действительно не знал поэзии Ахматовой, поскольку русские поэты XIX в. были ему роднее современных поэтов-модернистов. С. Н. Дурылин вспоминал, как Розанов восхищался полиграфической роскошью модернистских изданий, но любил и жил русской классикой, глубоко проживая ее: «— Как это... хорошо издано! — и аккуратно ставил на полку. Не читал. Любил держать в руках, “потому что хорошо издано”. Пушкина же, Лермонтова, К. Леонтьева, Достоевского непрерывно *читал*, и волны от них передвигались сплошным непрекращающимся прибоем в его душу» [Дурылин 1991: 251].

Упоминание Ахматовой строки М. Шагинян («Девы нет меня благоуханней») свидетельствует о том, что Ахматова внимательно следила за розановскими рецензиями в «Новом Времени» (Розанов В. В. «Orientalia» М. Шагинян // Новое Время. 1913. 24 марта). Именно стихотворением «Полнолуние» (1911), финальную строку которого цитирует Ахматова, Розанов завершает свой отзыв на книгу Шагинян «Orientalia» (М.: Альциона, 1913)². В этом стихотворении Розанова как философа пола не могли не привлечь ориенталистски-эротические мотивы:

«Кто б ты ни был — будешь господином.
Жарок рот мой, грудь белее пены,
Пахнут руки чебрецом и тмином.
Днем чебрец на солнце я сушила,
Тмин сбирала, в час поднявшись ранний...
В эту ночь — от Каспия до Нила —
Девы нет меня благоуханней!..

Что это за канальственный “чебрец” растет на Кавказе, от которого не только девы, но и стихи их становятся так душисты, что не в марте бы месяце их читать...» [Розанов 2007: 51]³.

Чуковская также вспоминает эпизод из «Опавших листьев» (Короб первый), который ее возмущал, — о том, что мать двух дочерей посоветовала кадету, влюбленному в старшую дочь («пышная, большеirosлая», «спокойного характера»), жениться на младшей дочери («худенькая и небольшая, так и пылала»), что кадет и сделал, а через два года у них уже было двое детей [Чуковская 1997: 70]. Таким образом Розанов в русле своей философии пола обосновывал необходимость раннего брака, когда у юноши и девушки еще «неиспорченное воображение» (XXX, 183). Ахматова, соглашаясь с возмущением Чуковской («Я опять подивилась совпадению наших нелюбвей»), отмечает мифологичность этой розановской истории: «Анна Андреевна махнула ру-

кой. — Ничего этого не было. Ни дамы, ни дочерей, ни внука. Все это он сам, конечно, выдумал, от слова и до слова...» [там же].

История с сестрами иллюстрировала мысль Розанова о том, что половая энергия может развиваться в двух направлениях: «пыл пола или разворачивается в рост и, потратя силы свои “на произведение своего же тела”, успокаивается; или же он в рост не разворачивается, и тогда весь сосредоточивается в стрелу пола, — и эта стрела сильно заострена и рвется с тетивы» (XXX, 182). Этой розановской мыслью Ахматова подкрепляла свои жизненные наблюдения, но в не отношении женщин, а мужчин: «Бросить можно только жену, и “хи-мэны”⁴ именно на этом проявляли свою мужскую самостоятельность, пока не попадали под каблук к какой-нибудь энергичной дамочке, и это довершало превращение мужчины в “слабый пол”... “У них все ушло в рост”, — говорила о таких Ахматова, цитируя Розанова» [Мандельштам 2014: 905].

В этой же записи Чуковской Ахматова вспоминает последние годы жизни Розанова в Сергиевом Посаде: «Гениальный был человек и слабый. Мне жаль было его, когда он потом голодал в Сергиеве. Мне рассказывали: ходил по платформе и собирал окурки. Я ничем не могла ему помочь, потому что сама голодала клинически» (цит. по: [Чуковская 1997: 70]). Подробности тяжелого материального положения последнего года жизни Розанова, приведшего его к смерти, Ахматова могла знать от Т. В. Розановой, а также от ближайшего круга Розанова. В письме М. О. Гершензону в ноябре 1918 г. Розанов признавался: «Голодно. Холодно. Кто-то добрый человек, разговорясь со мною в бане, сказал: “В. В., по портрету Бакста⁵ — у Вас остались только глаза”. <...> Собираю перед трактирами окурки: ок. 100 — 1 папироса. Затянусь. И точно утешен» [Переписка 1991: 241]. З. Н. Гиппиус писала в воспоминаниях, опубликованных в парижском альманахе «Окно» за 1924 г. (в те годы альманах еще был доступен в советской России): «Стал, говорят, странный и больной. Такой нищий, что на вокзале собирает окурки. <...> Ничто, прежде ужасное, не удивляло: *теперь* казалось естественным. У всех, кажется, все умерли; все, кажется, подбирают окурки...» [Гиппиус 1995: 37–38]. Гиппиус писала и о христианском перевороте Розанова перед смертью (о чем Ахматова могла знать и от дочери Розанова (см. ее «Воспоминания»: [Розанова 1999: 91–102]), хотя эта тема в ахматовских текстах никак не отразилась.

Важнейшим контекстом для ахматовского восприятия Розанова-писателя является прочтение Розанова О. Мандельштамом, который очень

ценил его прежде всего за «нелитературное», «домашнее» отношение к литературе, проявляющееся в ключевой роли для текста интонации⁶ и цитатности: «Филология – это семья, потому что всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках. Самое лениво сказанное слово в семье имеет свой оттенок. <...> Розанов же увязнет с головой в строчке любого русского поэта, как он увяз в строчке Некрасова. “Еду ли ночью по улице темной” – первое, что пришло в голову ночью на извозчике. Розановское примечание – вряд ли сыщется другой такой русский стих во всей русской поэзии» [Мандельштам 1999: 223–224]. Мандельштам отсылает здесь к «опавшему листу» из «Уединенного» (1912), в котором Розанов как раз акцентировал значение интонации в некрасовских стихах: «Его “Власу” никакой безумец не откажет в поэзии. Его “Огородник”, “Ямщик”, “Забытая деревня” прелестны, удивительны, и были новы *по тону* в русской литературе. Вообще Некрасов создал *новый тон* стиха, *новый тон чувства*, новый тон и звук *говора*» (XXX, 14). В розановском духе Мандельштам дает определение цитатности в «Разговоре о Данте» (1933): «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна» [Мандельштам 1994: 220].

Отзвук розановской «нелитературности» звучит и в реплике Мандельштама 1930-х гг., обращенной к молодым поэтам, жаловавшимся ему, что их не печатают: «И почему вы все придаете такое значение станку Гутенберга?» [Липкин 2008: 16]. Немецкого изобретателя печатного станка Розанов назвал в «Уединенном» «Мефистофелем» за то, что своим изобретением он определил публичный, массовый, обезличенный характер литературы Нового Времени: «Как будто этот проклятый Гуттенберг облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушались “в печати”, потеряли лицо, характер» (XXX, 9). В «Уединенном» (на титуле было указано, что оно издано *«почти на праве рукописи»*) Розанов возвращался к догутенберговской – интимной, «рукописной» интонации, преодолевающей «печатность»: «Новое – *тон*, опять – манускриптов, “до Гутенберга”, для себя» (XXX, 132).

Это идущее от Розанова (в том числе и через Мандельштама) интонационное и интертекстуальное понимание литературы было близко Ахматовой, в поэтике которой интонация и цитатность – ключевые принципы. Вспомним ее ставшие крылатыми строки 1956 г.:

Не повторяй – (душа твоя богата) –
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама –
Одна великолепная цитата.
[Ахматова 1999: 182]⁷

А в записной книжке 1960 г. и в заметке «Все было подвластно ему» (1964) Ахматова отмечает ключевую роль интонации у Лермонтова: «...хочется ему подражать, но совершенно очевидно, что это невозможно, потому что он владеет тем, что актеры называют сотая интонация»; «Трудно писать о нем и не впасть в его тон, трудно думать о нем и не слышать его интонацию» (6, 280, 295). Эта лермонтовская «сотая интонация» становится кульминацией в стихотворении «Rosa moretur» (1963): «А ты поймал одну из сотых интонаций, / И все недолжное случилось в тот же миг» (2/2, 177).

В записи от 21 апреля 1963 г. под заглавием «М. б., примечание» Ахматова отмечает принципиальное значение голоса и интонации для понимания Пушкина: «Мы почти перестали слышать его человеческий голос в его божественных стихах. <...> во всей многопланности пушкинского слова и с сохранением его человеческой интонации» (6, 173). Именно Розанов первым заговорил о первостепенном значении голоса и интонации в понимании Пушкина: «<...> не всякий “читающий Пушкина” имеет что-нибудь общее с Пушкиным, а лишь кто вслушивается в голос *говорящего* Пушкина, угадывая интонацию, какая была у живого» (XXX, 97).

«Рукописным» тоном Розанов снимал «публичный» характер литературы Нового Времени с ее культом славы («самодовольство», тщеславие) и возвращался к смиренной средневековой рукописности, сохранявшей индивидуальность и духовное целомудрие писателя: «Ведь в Средних веках не писали для публики, потому что прежде всего не издавали. И средневековая литература, во многих отношениях, была прекрасна, сильна, трогательна и глубоко плодотворна в своей невидности. Новая литература до известной степени погибла в своей излишней видности; и после изобретения книгопечатания вообще никто не умел и не был в силах преодолеть Гутенберга» (XXX, 132). Эта розановская установка соотносится с наблюдением Н. Мандельштам (ссылающейся на мысль Розанова о «писательском целомудрии»⁸) о том, что Ахматова и Мандельштам не «смотрелись в зеркала»: «Она именно жила в зеркалах, а не смотрелась в них, поэтому это не имеет никакого отношения к замечанию Розанова о том, что писатели делятся на два типа – одни смотрятся в зеркало, а другие нет. Розанов здесь имеет в виду оглядку на читателя, заигрывание с ним, актерский элемент в писателях, которого в подлинных поэтах почти никогда не бывает. Предельно этот элемент отсутствовал у О. М.» [Мандельштам 2014: 630].

Аллюзии на розановские тексты присутствуют и в лирике Ахматовой, так, они проступают в стихотворении «Венеция» (август 1912 г.):

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

Сколько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте
И не душно в сырости и зное (1, 100).

В мотивах золота, птиц («золотая голубятня»), льва («с книгой лев»), в сочетании золотого и черного («черных лодок») отраженно преломляется «райское» описание Венеции в розановском очерке «Золотистая Венеция» (1902) из популярной у современников книги «Итальянские впечатления» (СПб., 1909)⁹: «Вся Венеция усеяна изображениями льва <...>. Лев венецианский, поставленный на мачтах, на столбах, колоннах, на каждой безделушке вплоть до спичечной коробки, имеет два полуприподнятые крыла и чуть-чуть опустил на передних лапах, как готовый сейчас прыгнуть. Это лев в оживлении, а не сидящий, не лежащий. <...> “Золотистая Венеция, золотистая Венеция”, – думал я, ожидая на крошечной пристаньке возле дворца дождей пароходик, чтобы ехать на вокзал. <...> “Прощайте, золотистые дворцы, прощайте, золотистые дворцы”. По сторонам смотрели они, эти дворцы, в самом деле в черных позолотах. До чего это красиво, – золото по мрамору, по металлу, по стеклу, в наружных украшениях дома. Вся Венеция точно осыпана золотистой пылью, как некоторые красивейшие южные птицы – колибри или африканская “райская птица”» (I, 118, 121–122).

Розанов был одним из первых, кто в начале XX в. открыл красоту библейской поэзии. В статье «О “Песне песней”» (1909), вошедшей в его книгу «Библейская поэзия» (СПб., 1912), он видел секрет поэтичности «Песни песней», в частности, в отсутствии в ней ярких цветовых эпитетов: «Узора нет, краски неразличимы... в каком-то сумраке мысль. Такие слова, как “красный”, “голубой”, “желтый”, даже сам “белый” или “черный”, – не только не встречаются в поэме, но вы сейчас же почувствуете, что они составили бы в ней какофонию. <...> В одном месте поэмы говорится: “Не *будите* любовь”, не мешайте ей, не спугивайте ее. Как только Суламифь сказала бы: “Я уже сняла свой *красный* хитон”, так сейчас она и рассеяла бы грезы Соломона и все про-

будилось бы к действительности. Вся поэма движется так, что ни Соломон, ни Суламифь не помнят о цвете своих одежд... Замечательно, что чуть ли не единственный цветовой термин: “я *смугла*”, – в ней, во-первых, не тверд, не определен, и, во-вторых, что это сказано как признание в горячности: “Я смугла, *обожжена* солнцем”» (XIV, 451–452). Подмеченная Розановым особенность библейской поэтики проявляется в библейском цикле Ахматовой («Рахиль», 1921; «Лотова жена», 1924; «Мелхола», 1959–1961), где цветовые эпитеты встречаются лишь четырежды («черная голубка», «черная гора», «красные башни», «зеленые глаза»). О героях ахматовского цикла можно сказать словами Розанова – чтобы не вспугнуть любовь, они «не помнят о цвете своих одежд».

Эпическим 4-стопным амфибрахией библейских стихов Ахматова передает «таинственный тон Библии», о котором Розанов писал в статье «О поэзии в Библии» (1909–1911) из той же книги, определяя его как естественный, «“высокий и благородный”, но не придуманный, нежный без приторности, кроткий без униженности, в высшей степени простой, в высшей степени ясный, в высшей степени наглядный» (XIV, 448–449). В сравнении с другими книгами тон Библии – это «чистая вода горного ключа после спитого чая, водки и бутербродов; это – как поле и полевые цветы, хижина араба и его песня о звездах после душного ресторана с “малыми”; всегда это для души – освежение и воскресение» (XIV, 450). Подобный ряд простых, естественных и первозданных природных образов присутствует и в библейских стихах Ахматовой («долина», «стада», «горячая пыль», «камень», «чистый источник», «пустыня», «высокая ночь», «прохладные росы», «солнца лучи», «звезды в ночи»):

И снится Иакову сладостный час:
Прозрачный источник долины,
Веселые взоры Рахилиных глаз
И голос ее голубиный (1, 376).

Прямое упоминание Розанова – среди участников «маскарада» эпохи начала XX в. в записи к «Поэме без Героя» (6–7 января 1962 г.): «...и я не поручусь, что там, в углу, не поблескивают очки Розанова и не клубится борода Распутина» (3, 267). Фигура Розанова возникает здесь в демоническом ореоле Врубеля («от него все демоны XX-го века, первый он сам»), Мейерхольда («демонический Доктор Дапертутто»), Вяч. Иванова («Фауст») и сближается по демонизму с Григорием Распутиным. С последним Розанов познакомился в 1904–1905 гг., неоднократно писал о нем. Розанов воспринимал Распутина в идеализированном народническом ключе («Илья

Муромец»): «Разгадка всего. Гриша – гениальный мужик» (II, 60). Как философа пола его особенно интересовала в Распутине его сексуальная сущность. В письме к Э. Голлербаху от 6 октября 1918 г. Розанов упоминает, что Распутин его боялся, так как он постиг его тайну через древнеегипетский культ «Священного Аписа» (XVII, 373–374). В своих мемуарах о Распутине¹⁰ Н. Тэффи вспоминала, как Розанов, находясь в одной компании с Распутиным¹¹, просил ее разговаривать его – непременно затронуть «эротические темы» и «хлыстовские радения» [Тэффи 1991: 426, 431]. Как и Ахматова («клубится борода Распутина»), Тэффи описывает Распутина через стихийные образы: «Самого его несла куда-то та самая сила, которою он хотел управлять. <...> он словно уже сорвался и несся в вихре, в смерче, сам себя потеряв. <...> путал, сам себя не понимал, мучился, корчился, бросался в пляс с отчаянием и с воплем, как в горящий дом за забытым сокровищем. Я потом видела этот пляс его сатанинский...» [Тэффи 1991: 426, 432].

Именно в этом распутинском контексте Ахматова мифологизирует Розанова как философа пола, закрепляя эту семантику за топом угла (в 1903–1904 гг. Розанов вел в журнале «Новый путь» рубрику «В своем углу») и за ключевой деталью портрета философа – поблескивающими очками, отсылающими к уже упомянутому знаменитому портрету работы Бакста, о котором Перцов писал в книге 1933 г., что он верно передает внешность Розанова: «схвачен и тот зоркий, проникающий взгляд, которым Розанов выучился смотреть, как мне кажется, тоже лишь позднее – именно к эпохе написания этого портрета: к “египетской” своей эпохе» [Перцов 2002: 262]. Из литературных источников «поблескивающих очков» можно назвать мемуары Гиппиус, в которых она вспоминает забежавшего в их квартиру торопливого Розанова, критикующего христианство: «Так, в крылатке, и бегал нервно по комнате, блестя очками. Разговор был, конечно, о религии, и опять о христианстве. Отношение к нему у Розанова показалось мне мало по существу изменившимся. Те же упреки, что христианство не хочет знать мира с его теплотой и любовью, не приемлет семью и т. д.» [Гиппиус 1995: 32]. Поблескивающие очки – ключевая деталь образа Розанова и в воспоминаниях А. Белого: «В. В. Розанов, нагло помалкивая и блистая очками, коленкой плясал» [Белый 1990: 494].

Диалог с Розановым проступает и в многослойной аллюзии из самой «Поэмы без Героя» (1940–1965) – «плоть, почти что ставшая духом» (3, 182). Как уже указывали исследователи¹², в ней свернута отсылка к ключевой проблеме «нового религиозного сознания», хотя, на наш

взгляд, Ахматова здесь не спорит с Розановым и не выбирает сторону Бердяева, а оказывается ближе к Розанову и Мережковскому, считавших, что в аскетическом христианстве дух, монофизитски оторванный от плоти, становится демоничным: «Дух и Слово может быть Плотью и Кровью. <...> Господь претворил воду в вино и вино в кровь. Не обратно ли претворяется в последующие века аскетического христианства кровь в вино и вино в воду, святое Тело – в бестелесную святость, духовная Плоть – в бесплотную духовность, Воскресение Плоти – в умерщвление плоти? Не совершается ли здесь второе предательство, равное первому?» [Мережковский 2000: 140–141].

Мысль о плоти, ставшей духом, является частью ахматовского портрета А. Блока:

Гавриил или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?
Демон сам с улыбкой Тамары,
Но такие таятся чары
В этом страшном дымном лице:
Плоть, почти что ставшая духом, <...>
С мертвым сердцем и мертвым взором (3, 182).

И в этом демоническом и mortalном восприятии Блока Ахматова также оказывается близка Розанову, который писал о поэте в своих статьях 1909 г.: «Боже мой, кого не презирает Блок? И почему он не играет Демона в опере Рубинштейна?.. Было бы так натурально, ибо это был бы Демон не подмалеванный, а настоящий. Но разберемся в мыслях печального Демона» (Розанов В. В. Попы, жандармы и Блок // Новое Время. 1909. 16 февр.) (4, 330); «С лицом мертвеца, – соглашаюсь, красивого мертвеца, – и загробным голосом поэт Блок читает о землетрясении в Мессине и связи этого землетрясения... с русскою интеллигенцией» (Розанов В. В. Литературные симулянты // Новое Время. 1909. 11 янв.) (4, 324).

Еще один план, сближающий Ахматову и Розанова, – литературно-критическая оценка Лермонтова. В статье «Вечно печальная дуэль» (Новое Время. 1898. 24 марта), написанной в период сближения с Мережковскими, Розанов предлагал отказаться от «версии происхождения нашей литературы “от Пушкина”», доказывая, что ее родоначальником был Лермонтов: «В Лермонтове срезана была самая кронка нашей литературы, общее – духовной жизни, а не был сломлен, хотя бы и огромный, но только побочный сук. <...> в поэте таились эмбрионы таких созданий, которые совершенно в иную и теперь не разгадываемую форму вылили бы все наше последующее развитие. Кронка была срезана, и дерево пошло в суки» (VII, 289). Розанов отходит от национального литературного канона с почвенническим

культом Пушкина (созданным Ап. Григорьевым, Ф. М. Достоевским, Н. Н. Страховым) и, по сути, создает модернистский канон во главе с мистическим Лермонтовым. «“Мистагогов” русской литературы» (в лице Гоголя, Достоевского, Толстого) Розанов возводит не к Пушкину, а к Лермонтову: «“Есть миры иные”, – тревожно сказал Достоевский устами старца Зосимы в “Братьях Карамазовых”; “есть мир иной” – разве не говорит это нам, не предостерегает нас об этом в “Смерти Ивана Ильича” Толстой?» (VII, 291). Кроме религиозности Достоевский и Толстой продолжают героев Лермонтова (а не «простых» героев Пушкина) и в их глубинном психологизме: «Раскольников и Свидригайлов в их двойственности и вместе странной “близости”, кн. Андрей Болконский, Анна Каренина – все эти люди богатой рефлексии и сильных страстей все-таки кое-что имеют себе родственного в Печорине ли, в Арбенине, но более всего – лично в самом Лермонтове» (VII, 294). Неизвестно, была ли Ахматова знакома со статьей Розанова, но концепция происхождения русской литературы «от Лермонтова» ей была явно близка, о чем свидетельствует ее фраза «Не от Пушкина или Гоголя, а именно от него Толстой и Достоевский...» [Найман 1999: 410].

В последнем эссе, посвященном Лермонтову (Розанов В. В. О Лермонтове // Новое Время. 1916. 18 июля), в котором «вещный томик» его лирики Розанов называет «золотым нашим Евангелищем», он соотносит поэта с Христом через его евангельский тон: «Ах, и “державный же это был поэт”! Какой *тон*... Как у Лермонтова – *такого тона еще не было ни у кого в русской литературе*. / Вышел – и владеет. / Сказал – и повинуются. / Пушкин “навевал”... Но Лермонтов не “навевал”, а приказывал» (IV, 641–642). В этой характеристике – прямая отсылка к интонации Христа: «И дивились Его учению, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники» (Мк. 1, 22; Мф. 7, 28–29). Этот «властный» тон Лермонтова уловила и Ахматова в заметке «Все было подвластно ему» (1964): «...он владеет тем, что актеры называют сотая интонация. Слово слушается его, как змея заклинателя: от почти площадной эпиграммы до молитвы, а его строки не имеют себе равных ни в одной из поэзий мира» (6, 280).

И последний «розановский» аспект, который следует очертить, но который требует дальнейшего анализа, – открытая Розановым модернистская форма «потока сознания» («опавшие листья»), которая имела огромное значение для прозы поэтов-модернистов. Вяч. Вс. Иванов отмечал, что вдохновлявший Мандельштама Розанов был едва ли не значимее всех как для внесюжетной «неразрешенной» прозы самого поэта

(«Египетская марка», «Четвертая проза»), так и для будущего русской прозы (до Венечки Ерофеева и Синявского)» [Иванов 2000: 760–761]. Ориентируясь на эту восходящую к Розанову «четвертую прозу» с ее феноменологическим «потоком сознания» («Шум времени» Мандельштама и «Охранная грамота» Пастернака), Ахматова в последние годы своей жизни писала книгу «о времени и о себе» (ее название менялось – «Книга жизни», «Листки из Дневника», «Листки из Блокнота», «Мои полвека», «Труды и дни»...), которая не была закончена: «Успеть записать одну сотую того, что думается, было бы счастьем. Однако книжка – двоюродная сестра “Охранной грамоты” и “Шума времени” – должна возникнуть. Боюсь, что по сравнению со своими роскошными кузинами она будет казаться замарашкой, простушкой, золушкой и т. д. Оба они (и Борис, и Осип) писали свои книги, едва достигнув зрелости, когда все, о чем они вспоминают, было еще не так сказочно далеко. Но видеть без головокружения девяностые годы XIX века с высоты середины XX века почти невозможно» (5, 171).

Таким образом, Ахматова была хорошо знакома с произведениями Розанова и обстоятельствами его биографии. В текстах Ахматовой, подобно «симпатическим чернилам», проступает «розановский слой», отражающий ее прямой или скрытый диалог со знаковой фигурой русского модернизма – как религиозно-философского («новое религиозное сознание»), так и литературного («опавшие листья»). Розанов мифологизируется Ахматовой как философ пола в демоническо-стихийном контексте Григория Распутина. В художественном плане для Ахматовой, как и для Мандельштама, значимо розановское «нелитературное», «догутенберговское» отношение к слову (интонация и интертекстуальность). Розановский дискурс диалогически преломляется в ахматовской «Венеции», в библейском цикле, в «Поэме без Героя», в понимании Лермонтова, Пушкина и Блока, а также является важным для модернистской поэтики мемуарной прозы Ахматовой.

Примечания

¹ Ахматова познакомилась с Розановой в 1930-е гг. в доме Н. Г. Чулковой, с которой они обе дружили и у которой останавливались, приезжая в Москву. На этой встрече Ахматова рассказала, что видела молодого Розанова, когда он служил в Государственном контроле: «Говорила, что хорошо его помнит. Я же сказала, что мои сестры Варя и Надя очень любят ее стихи, и попросила передать Наде фотографию. Она надписала ее. Варя была в восторге. Портрет всегда

стоял у нее на столе, а после смерти Вари я отдала его Наде. После Надиной смерти он перешел в руки Елены Дмитриевны Танненберг, ее близкой подруги» [Розанов 1999: 149]. Варвара Розанова (Гордина, 1898–1943) – дочь Розанова, поэтесса; Надежда Розанова (Верещагина, 1900–1956) – дочь Розанова, художница.

² Шагинян подарила Ахматовой 5-е издание этой книги (Пб.; Берлин: З. И. Гржебина, 1921), о чем говорит ее дарственная надпись: «Дорогой Анне Ахматовой от Маруси в память нашей встречи взамен утраченного экземпляра Петербург 12 июня (?) 1922» [Abelbooks].

³ *Розанов В. В.* Собр. соч.: в 30 т. Т. XXIII: На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913–1915 гг.). М.: Республика; СПб.: Росток, 2007. 638 с. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в круглых скобках номеров тома и страниц.

⁴ От англ. *he-man* – настоящий мужчина, герой.

⁵ *Бакст Л. С.* Портрет В. В. Розанова. 1901. Бумага, пастель. 106,5×70,9. Москва, Гос. Третьяковская Галерея. URL: https://www.tg-m.ru/img/-mag/2015/3/art_48_05_06.jpg (дата обращения: 27.09.2019).

⁶ Впервые на близость Мандельштама к Розанову в особой значимости для него интонации обратила внимание А. Кроун, приводя слова поэта «Я один в России работаю с голоса...» и посвященное Ахматовой стихотворение «Твое чудесное произношение» (1918) [Crone 1994: 62–63]. О значении интонации для Розанова см. подробнее: [Медведев 2008: 1368–1372; 1513–1516].

⁷ *Ахматова А. А.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1999. Т. 2, кн. 1. С. 182. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в круглых скобках номеров тома и страниц.

⁸ Ср. в «Опавших листьях» (Короб первый): «Боже, сохрани во мне это писательское целомудрие: не смотреться в зеркало. Писатели значительные от ничтожных почти только этим отличаются: смотрятся в зеркало – не смотрятся в зеркало» (XXX, 118).

⁹ В январе 1964 г., размышляя о будущей поездке Ахматовой в Италию для получения премии «Этна-Таормина», Чуковская упоминает книгу Розанова в ряду ключевых текстов русских писателей об Италии (итальянские письма Герцена, Тургенева, Толстого, «Итальянские стихи» Блока, образ Венеции в «Былом и Думах» Герцена и в «Охранной грамоте» Пастернака) [Чуковская 1997а: 135].

¹⁰ Впервые под заглавием «Колдун: Из воспоминаний о Распутине» [Тэффи 1924].

¹¹ В «Мимолетном» Розанов описал две встречи с Распутиным «в литературной компании» 15 апреля и 17 апреля 1915 г. (II, 56–57, 59–61).

¹² С. Коваленко предположила, что Ахматова отсылает к спору Бердяева с Мережковским и Вл. Соловьевым о «духе» и «плоти», принимая при этом сторону Бердяева, возражавшего против антитезы этих начал [Коваленко 1998: 432]. С. А. Мартынова считает, что в этой фразе Ахматова оспаривает розановские идеи освящения плоти и мистики пола [Мартынова 2001].

Список литературы

Ахматова А. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1999. Т. 2, кн. 1. 640 с.

Белый А. Начало века. Воспоминания: в 3 кн. М.: Худож. лит., 1990. Кн. 2. 687 с.

Гиппиус З. Н. Задумчивый странник. О Розанове (Из книги «Живые лица») // В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология: в 2 кн. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. Кн. 1. С. 1–43.

Дурыйлин С. Н. В своем углу: Из старых тетрадей. М.: Моск. рабочий, 1991. 354 с.

Иванов Вяч. Вс. Взгляд на русский роман в 1992 г. // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Статьи о русской литературе. М.: Языки рус. культуры, 2000. Т. 2. С. 745–761.

Коваленко С. Свершившееся и недовоплощенное. Поэмы и театр Анны Ахматовой // Ахматова А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1998. Т. 3. С. 377–462.

Липкин С. «Угль, пылающий огнем...»: Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. Материалы о С. Липкине. М.: РГГУ, 2008. 474 с.

Мандельштам Н. Люсаных // Мандельштам Н. Собр. соч.: в 2 т. Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. Т. 2. С. 903–909.

Мандельштам Н. Об Ахматовой // Мандельштам Н. Собр. соч.: в 2 т. Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. Т. 1. С. 583–782.

Мандельштам О. Э. Собр. соч.: в 4 т. М.: АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР, 1999. Т. 1. 366 с.

Мандельштам О. Э. Собр. соч.: в 4 т. М.: АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР, 1994. Т. 3. 527 с.

Мартынова С. А. «Поэма без героя» А. А. Ахматовой в контексте русской философской культуры XX в. // Постсимволизм как явление культуры: сборник. Вып. 3. М.: Б. и., 2001. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/martyanova-poema-bez-geroya-ahmatovoj.htm> (дата обращения: 27.11.2019).

Медведев А. А. Интонация // Розановская Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 1368–1372.

Медведев А. А. Эссеистичность // Розановская Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 1513–1516.

Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 589 с.

Найман А. Рассказы об А. Ахматовой. М.: Вагриус, 1999. 429 с.

На последнем изломе: В. В. Розанов в записках дочери // Литературная газета. 1999. 10 февр. С. 12.

Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона. 1909–1918 // Новый мир. 1991. № 3. С. 215–242.

Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890–1902. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 496 с.

Розанов В. В. Собр. соч.: [в 30 т.]. [Т. XXIII]: На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913–1915 гг.). М.: Республика; СПб.: Росток, 2007. 638 с.

Розанова Т. В. «Будьте светлы духом»: Воспоминания о В. В. Розанове. М.: Blue Apple, 1999. 183 с.

Тэффи Н. А. Колдун: Из воспоминаний о Распутине // Сегодня (Рига). 1924. 10 авг. № 179; 13–14 авг. № 181–182.

Тэффи Н. А. Распутин // Тэффи Н. А. Житье-быть: Рассказы. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. С. 417–447.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. 1938–1941. М.: Согласие, 1997. Т. 1. 587 с.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. 1963–1966. М.: Согласие, 1997а. Т. 3. 563 с.

Abelbooks. Антикварные книги. URL: <https://www.abelbooks.ru/tovar/shaginyan-m-s-avtograf-anne-ahmatovoj-orientalia/> (дата обращения: 27.09.2019).

Crone A. L. Mandelstam's Rozanov // Mandelstam Centenary Conference. Collection of Articles. Tenaflly: Hermitage, 1994. P. 56–71.

References

Akhmatova A. A. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols.]. Moscow, Ellis Luck Publ., 1999, vol. 2, book 1. 640 p. (In Russ.)

Bely A. *Nachalo veka. Vospominaniya: v 3 kn.* [The beginning of the century. Memories: in 3 books]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, book 2. 687 p. (In Russ.)

Gippius Z. N. *Zadumchivyy strannik. O Rozanove (Iz knigi 'Zhivye litsa')* [The thoughtful wanderer. On Rozanov. (From the book 'Living Faces')]. V. V. Rozanov: *pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo V. Rozanova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya: v 2 kn.* [V. V. Rozanov: pro et contra. The personality and works of V. Rozanov in the assessment of Russian thinkers and researchers. Anthology: in 2 books]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Press, 1995, book 1, pp. 1–43. (In Russ.)

Durylin S. N. *V svoem uglu: Iz starykh tetradey* [In my corner. From old notebooks]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1991. 354 p. (In Russ.)

Ivanov Vyach. Vs. *Vzglyad na russkiy roman v 1992 g.* [A look at the Russian novel in 1992]. *Ivanov Vyach. Vs. Izbrannyye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Stat'i o russkoy literature* [Ivanov Vyach. Vs. Selected works on semiotics and cultural history. Articles on Russian literature]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, vol. 2, pp. 745–761. (In Russ.)

Kovalenko S. *Svershivsheesya i nedovoploshchennoe. Poemy i teatr Anny Akhmatovoy* [Fulfilled and unfulfilled. Anna Akhmatova's poems and theatre]. *Akhmatova A. Sobr. soch.: v 6 t.* [Akhmatova A. Collected works in 6 vols.]. Moscow, Ellis Luck Publ., 1998, vol. 3, pp. 377–462. (In Russ.)

Lipkin S. *'Ugl', pylayushchiy ognem...': Vospominaniya o Mandel'shtame. Stikhi, stat'i, perepiska. Materialy o S. Lipkine* ['Coal burning with fire...'. Memories about Mandelstam. Poems, articles, correspondence. Materials on S. Lipkin]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2008. 474 p. (In Russ.)

Mandelstam N. Lyusanych. *Mandelstam N. Sobr. soch.: v 2 t.* [Mandelstam N. Collected works in 2 vols.]. Ekaterinburg, GONZO Publ., 2014, vol. 2, pp. 903–909. (In Russ.)

Mandelstam N. Ob Akhmatovoy [About Akhmatova]. *Mandelstam N. Sobr. soch.: v 2 t.* [Collected works in 2 vols.]. Ekaterinburg: GONZO Publ., 2014, vol. 1, pp. 583–782. (In Russ.)

Mandelstam O. E. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected works in 4 vols.]. Moscow, ART-BIZNES-TSENTR Publ., 1999, vol. 1. 366 p. (In Russ.)

Mandelstam O. E. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected works in 4 vols.]. Moscow, ART-BIZNES-TSENTR Publ., 1994, vol. 3. 527 p. (In Russ.)

Mart'yanova S. A. 'Poema bez geroya' A. A. Akhmatovoy v kontekste russkoy filosofskoy kul'tury 20 v. [The 'Poem without a Hero' by A. A. Akhmatova in the context of Russian philosophical culture of the 20th century]. *Postsimvolizm kak yavleniye kul'tury: sbornik*. [Post-symbolism as a cultural phenomenon: Collection]. Moscow, 2001, vol. 3. Available at: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/martyanova-poema-bez-geroya-ahmatovoj.htm> (accessed 27.09.2019). (In Russ.)

Medvedev A. A. *Intonatsiya* [Intonation]. *Rozanovskaya entsiklopediya* [Rozanov's encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 1368–1372. (In Russ.)

Medvedev A. A. *Esseistichnost'* [Essayism]. *Rozanovskaya entsiklopediya* [Rozanov's encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 1513–1516. (In Russ.)

Merezhkovskiy D. S. *L. Tolstoy i Dostoevskiy* [L. Tolstoy and Dostoevsky]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 589 p. (In Russ.)

Nayman A. *Rasskazy ob A. Akhmatovoy* [Stories about A. Akhmatova]. Moscow, Vagrius Publ., 1999. 429 p. (In Russ.)

Na poslednem izlome: V. V. Rozanov v zapis-kakh docheri [At the last break: V. V. Rozanov in his daughter's notes]. *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper], 1999, February 10, p. 12. (In Russ.)

Perepiska V. V. Rozanova i M. O. Gershenzona. 1909–1918 [Correspondence of V. V. Rozanov and M. O. Gershenzon. 1909–1918]. *Novy Mir*, 1991, issue 3, pp. 215–242. (In Russ.)

Pertsov P. P. *Literaturnyye vospominaniya. 1890–1902* [Literary memories. 1890–1902]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2002. 496 p. (In Russ.)

Rozanov V. V. *Sobr. soch.: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols.]. Moscow, Respublika Publ., St. Petersburg, Rostok Publ., 2007, vol. 23. Na fundamente proshlogo (Stat'i i ocherki 1913–1915 gg.) [On the foundations of the past (Articles and essays)]. 638 p. (In Russ.)

Teffi N. A. Koldun: Iz vospominaniy o Rasputine [Sorcerer: from the memories about Rasputin]. *Segodnya* [Today], Riga, 1924, August 10, issue 179; 13–14 August, issues 181–182. (In Russ.)

Teffi N. A. Rasputin [Rasputin]. *Teffi N. A. Zhit'e-byt'e: Rasskazy. Vospominaniya* [Life Stories: Stories. Memories]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp. 417–447. (In Russ.)

Chukovskaya L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoy: v 3 t. 1938–1941* [Notes on Anna Akhmatova: in 3 vols. 1938–1941]. Moscow, Soglasie Publ., 1997, vol. 1. 587 p. (In Russ.)

Chukovskaya L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoy: v 3 t. 1963–1966* [Notes on Anna Akhmatova: in 3 vols. 1963–1966]. Moscow, Soglasie Publ., 1997, vol. 3. 563 p. (In Russ.)

Abelbooks. *Antikvarnye knigi* [Abelbooks. Antique books]. Available at: <https://www.abelbooks.ru/tovar/shaginyan-m-s-avtograf-anne-ahmatovoj-orientalia/> (accessed 27.09.2019). (In Russ.)

Crone A. L. Mandelstam's Rozanov. *Mandelstam Centenary Conference*. Collection of articles. Tenafly, Hermitage, 1994, pp. 56–71. (In Eng.)

'ROZANOV'S LAYER' IN ANNA AKHMATOVA'S OEUVRE

Aleksandr A. Medvedev

Associate Professor in the Department of Russian and Foreign Literature
University of Tyumen

9, Respubliki st., Tyumen, 625003, Russian Federation. amedv1@yandex.ru

SPIN-code: 9765-6451

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7450-5373>

ResearcherID: AAF-8347-2019

Submitted 06.12.2019

The article establishes that Anna Akhmatova was well acquainted with texts by the philosopher Vasily Rozanov (*Solitaria*, *Fallen Leaves*, his literary criticism) and the circumstances of his life, knew his daughter N. V. Vereshchagina-Rozanova. This conclusion is based on the vast material of texts by Akhmatova (poetry, prose, notebooks), as well as on Lydia Chukovskaya's memoirs about her.

Texts by Akhmatova are shown to contain 'Rozanov's layer' (implications, references to Rozanov's works), which reflects the poet's direct and implicit dialogue with the iconic figure of Russian modernism – both religious-philosophical ('new religious consciousness') and literary (the genre of 'fallen leaves'). In the literary sense, what was of great significance for Akhmatova, as well as for O. Mandelstam, is Rozanov's 'non-literary', 'pre-Gutenberg' attitude to the word (intonation and intertextuality).

Rozanov's discourse (*Among Artists*, 1909) is dialogically refracted in Akhmatova's poem *Venice* (1912). Rozanov's perception of biblical poetics is reflected in the biblical cycle of Akhmatova (*Rachel*, 1921; *Lot's Wife*, 1924; *Michal*, 1959–1961). The paper provides a detailed analysis of the image of Rozanov as a participant in the 'masquerade' of the early 20th century epoch as presented by Akhmatova in the diary entry concerning *Poem without a Hero* (1962), in which the poet mythologizes Rozanov as a gender philosopher (metaphysics of gender) in the demonic context of Grigori Rasputin. The paper analyzes the multilayer allusion in *Poem without a Hero* (1940–1965), where one can discern Akhmatova's dialogue with Rozanov about 'spirit' and 'flesh' in the context of Blok.

It comes to light that Rozanov and Akhmatova concur in the demonic and mortal perception of Alexander Blok and in the modernist perception of Mikhail Lermontov as the 'progenitor' of Russian literature (as well as they concur in the intonation perception of Lermontov's poetry). The modernist form of the 'stream of consciousness' ('fallen leaves'), discovered by Rozanov, was of great importance for Akhmatova's memoir prose, directly and indirectly (through Mandelstam and Pasternak).

Key words: intertext; implication; Russian modernism; Vasily Rozanov; Anna Akhmatova; dialogue.